

ОТЗЫВ

**официального оппонента, кандидата политических наук
Кашина Василия Борисовича
на диссертацию Габриеляна Гриши Робертовича на тему
«Политика государственного регулирования Интернет-пространства КНР в
условиях цифровизации»,
представленную на соискание учёной степени кандидата политических
наук по специальности 5.5.2. — Политические институты, процессы,
технологии.**

Актуальность исследования определяется особой ролью Интернет-пространства в современной государственной политике КНР. Китай за последние десятилетия сформировал собственную модель регулирования Интернета, основанную на сочетании нормативно-правового контроля, развитии национальных цифровых платформ, управлении информационными потоками и обеспечении киберсуверенитета. Регулирование Интернета рассматривается китайским руководством как важный инструмент поддержания политической и социальной стабильности, защиты национальной безопасности и снижения зависимости от зарубежной цифровой инфраструктуры. В условиях постоянного развития технологий и усложнения механизмов государственного контроля комплексное изучение китайской модели регулирования Интернет-пространства представляется своевременным и научно значимым.

Объект и предмет исследования сформулированы корректно.

Также четко и логично обозначены **цель и задачи** диссертации, которая посвящена выявлению ключевых направлений и инструментов реализации государственной политики КНР по регулированию Интернет-пространства, а также факторов, оказывающих влияние на ее формирование и реализацию.

В целом понятны **хронологические рамки исследования**, которые охватывают период с 2009 года по настоящее время.

Избранная автором **теоретико-методологическая основа** соответствует цели и задачам исследования. В диссертации используются положения теории управления, системного и мир-системного подходов, концепции платформенного и «надзорного» капитализма и другие. В работе применяются компаративный анализ, ивент-анализ, контент-анализ и метод case-study. Последний используется, в частности, для изучения конкретных случаев ограничения и удаления контента в китайских социальных сетях и позволяет соотнести нормативные требования с практикой их реализации цифровыми платформами.

Важным достоинством представленной диссертации является ее значительная **эмпирическая база**. Автором привлечены нормативно-правовые акты КНР в сфере кибербезопасности, национальной безопасности, защиты данных и персональной информации, государственные стратегии и программы, выступления руководства страны, статистические и аналитические материалы,

отчетность крупных китайских технологических компаний, материалы китайских и зарубежных СМИ и интернет-платформ. Существенное место занимают официальные китайские документы и выступления руководства КНР, а также статистические доклады и иные материалы, позволяющие проследить динамику развития цифровой среды страны. Отдельной высокой оценки заслуживает использование китайскоязычных источников.

Представленное к защите исследование бесспорно обладает **научной новизной**, которая, по мнению автора, заключается, в том числе, в том, что проведен комплексный анализ механизмов государственного регулирования Интернет-пространства КНР, включающих контроль цифровой инфраструктуры, развитие национальных стандартов и платформ, а также нормативное регулирование данных и контента. Представляет самостоятельный интерес предпринятый автором анализ ряда используемых китайскими исследователями категорий, в том числе «сетевой гегемонизм» (网络霸权主义), «право на сетевую территорию» (领网权), «сетевая власть» (网络权 / 网络权力), «инфраструктурная власть» (信息基础权力), «право на данные» (数据权). Их систематизация способствует более точному пониманию китайского подхода к проблемам суверенитета и власти в цифровой среде. Существенным результатом работы является введение в научный оборот комплекса ранее не использовавшихся в российской политологической литературе источников и сопоставление правил и механизмов модерации контента на крупнейших китайских платформах Weibo, Douyin и WeChat с нормативно-правовой базой и стратегическими установками руководства КНР.

Положения, выносимые на защиту, носят развернутый характер и включают в себя 9 пунктов. В целом они соответствуют общему замыслу диссертационной работы, а также ее содержанию.

Основные результаты исследования прошли необходимую апробацию. Согласно представленным материалам, основные положения и выводы диссертации отражены в пяти статьях автора, опубликованных в российских рецензируемых научных изданиях, а также представлялись на всероссийских и международных научных конференциях.

Структура диссертации соответствует поставленным цели и задачам. Работа включает введение, три главы, объединяющие девять параграфов, заключение и список использованных источников и литературы. В работе 224 страницы.

Основное содержание и достоинства диссертации:

В первой главе «Теоретико-методологические основы исследования интернет-пространства в контексте государственной информационной политики» автор формирует концептуальную основу исследования, рассматривает подходы к управлению Интернетом, понятие государственной информационной политики и изменение состава акторов государственного регулирования под воздействием цифровизации. Важным результатом данной части исследования является вывод о том, что Интернет-пространство следует

рассматривать не только как техническую среду обмена информацией, но и как самостоятельную сферу политического взаимодействия, где государственные институты сосуществуют и взаимодействуют с цифровыми корпорациями, средствами массовой информации и пользователями. Заслуживает внимания вывод автора об усилении процессов суверенизации цифровой среды. Несмотря на трансграничный характер Интернета, государства стремятся распространять национальную юрисдикцию на данные, платформы и цифровую инфраструктуру, а технологическая независимость становится важной составляющей информационного суверенитета.

Во второй главе «Идеологические и законодательные аспекты политики государственного регулирования интернет-пространства в КНР» анализируется непосредственно процесс институционального формирования китайской системы регулирования. Автор показывает, что начиная с 2010-х годов Интернет все отчетливее рассматривается китайским политическим руководством одновременно как ресурс модернизации, новое пространство реализации государственного суверенитета, сфера национальной безопасности и потенциальный канал внешнего информационного воздействия. В работе исследуются концепции киберсуверенитета (网络主权), всеобъемлющей национальной безопасности (总体国家安全观), построения «сетевой державы» (网络强国), а также принцип управления Интернетом на основе закона (依法治网). Их анализ позволяет автору показать место цифровой политики в общей системе стратегических приоритетов руководства КНР. Значительное внимание уделено нормативно-правовой базе. Рассматриваются Закон КНР о кибербезопасности, законодательство о национальной безопасности, защите данных, персональной информации и другие нормативные акты. Автор приходит к обоснованному выводу о формировании системной правовой модели, направленной на регулирование не только контента, но и данных, инфраструктуры и деятельности цифровых платформ. В параграфе, посвященном социальным сетям, анализируется адаптация государственной власти к изменению структуры цифровой коммуникации. Показано, что национальные платформы WeChat, Weibo, Douyin и другие становятся одновременно каналами общественной коммуникации, инструментами присутствия государственных институтов в цифровой среде и механизмами реализации требований государства к распространению информации.

Третья глава «Управление Интернет-пространством в КНР: акторы, технологии и перспективы» имеет преимущественно прикладную направленность. Автор исследует крупнейшие китайские технологические компании, в частности Baidu, Alibaba и Tencent, и анализирует их взаимодействие с государством. Существенным результатом является демонстрация того, что современная политика государственного регулирования объективно предполагает участие корпораций, контролирующих ключевые цифровые платформы, технологическую инфраструктуру и значительные массивы

пользовательских данных. Заслуживает внимания анализ технологий регулирования и цензуры. Автор показывает, что современная китайская модель не сводится к прямому блокированию отдельных информационных ресурсов. Она сочетает нормативные требования к платформам, ответственность операторов, автоматизированный анализ информации, алгоритмическую модерацию и человеческий контроль. Представляется значимым вывод о том, что основной задачей системы информационного регулирования в КНР является не полная изоляция пользователей от внешней информации, а прежде всего контроль над информационными процессами и видами коллективной активности, которые могут рассматриваться государством как потенциальные факторы социальной и политической дестабилизации. В заключительном параграфе автор приходит к выводу о вероятном дальнейшем усилении безопасностной составляющей цифровой политики и стремлении китайского руководства уменьшать критическую зависимость от зарубежных технологий. В целом данный вывод соответствует рассматриваемой в работе динамике развития китайского законодательства и государственных стратегических документов.

Приведенные в заключении выводы в должной степени отражают содержание диссертационного исследования, соответствуют поставленным цели и задачам и в целом аргументированы привлеченным эмпирическим материалом. Теоретическая значимость работы заключается в развитии представлений о государственном регулировании Интернет-пространства, цифровом суверенитете и взаимодействии государства с цифровыми корпорациями. Практическая значимость определяется возможностью использования результатов исследования в аналитической работе по проблемам внутренней политики КНР, цифрового регулирования, информационной и технологической безопасности.

Замечания и рекомендации:

Высоко оценивая проведенное соискателем исследование и полученные им результаты, считаю необходимым отметить ряд фактических неточностей. Большинство из них не затрагивает общий замысел работы, однако их исправление существенно повысило бы точность исторического, институционального и нормативно-правового анализа.

Прежде всего, уточнения требует изложение ранней истории китайского Интернета. Полнофункциональное подключение КНР к международной сети Интернет состоялось 20 апреля 1994 года. Эту дату необходимо отличать от отправки первого электронного сообщения из Китая в сентябре 1987 года в рамках академического обмена с ФРГ. Речь идет о разных этапах: экспериментальном канале электронной связи и постоянном подключении страны к глобальной сети. Их смешение искажает периодизацию, поскольку формирование общенациональной системы регулирования началось после

появления устойчивого доступа и быстрого расширения круга пользователей в середине 1990-х годов.

Имеются неточности и в описании первоначальной нормативной и организационной базы. Упомянутое на с. 105 «Положение о защите безопасности компьютерных информационных систем» 1994 года было принято постановлением Государственного совета КНР № 147. Основная надзорная компетенция закреплялась за Министерством общественной безопасности, а не за Министерством государственной безопасности. В целом МОБ играл и играет ведущую роль в обеспечении безопасности китайского интернета, в то время как МГБ – гораздо более компактная и узко специализированная структура, имеющая дело с внешними угрозами. Оба министерства при этом находятся в единой системе Центральной политико-юридической комиссии КПК. Документ 1994 г создавал прежде всего основу административного и полицейского контроля за безопасностью компьютерных систем. Неточно и утверждение на с. 96 о создании «сетевой полиции» лишь в 2015 году: специализированные подразделения существовали раньше, тогда как в 2015 году началось публичное ведение их аккаунтов и открытое сетевое патрулирование.

Обновления требует схема современных регулирующих институтов. В 2018 году прежняя Центральная руководящая группа была преобразована в Центральную комиссию по кибербезопасности и информатизации ЦК КПК. Ее рабочим аппаратом является Канцелярия комиссии, одновременно использующая государственное наименование «Государственная канцелярия интернет-информации КНР» (САС). Поэтому формулировка о подчинении САС прежней руководящей группе устарела. Недостаточно четко разведены и проект «Золотой щит» и «Великий китайский файрвол». Первый создавался Министерством общественной безопасности как всеобъемлющая система информатизации правоохранительных органов и обмена данными, тогда как фильтрация трансграничного трафика (собственно, «Великий файрвол») является лишь частью это более глобальной системы.

Ряд положений законодательства передан чрезмерно расширительно. Требование локализации в первоначальной редакции статьи 37 Закона КНР о кибербезопасности относилось не ко всем компаниям и категориям данных. Оно распространялось на персональную информацию и важные данные, собранные или сформированные в КНР операторами критической информационной инфраструктуры; для их передачи за рубеж предусматривалась оценка безопасности. Впоследствии этот режим был детализирован Законом о безопасности данных, Законом о защите персональной информации и подзаконными актами. Поэтому представление статьи 37 как первоначального всеобщего запрета на хранение китайских данных за пределами КНР заметно преувеличивает сферу действия нормы.

Уточнения требуют и два других правовых сюжета. На с. 153 система сетевых идентификаторов описана как обязательная. Между тем итоговые

правила 2025 года закрепили добровольность получения сетевого номера и удостоверения и потребовали сохранять иные законные способы идентификации пользователей. Речь идет об унифицированном механизме, а не о безальтернативной обязанности каждого пользователя. Неточна и характеристика Закона КНР о защите государственной тайны на с. 123–124. Перечисленные автором категории сведений могли относиться к государственной тайне уже по редакции 2010 года, а редакция 2024 года не содержит универсальной санкции в виде «штрафа до 1 млн юаней или лишения свободы до 10 лет»: ответственность определяется другими нормами и зависит от состава правонарушения.

Особенно внимательно следует перепроверить статистические сведения. Приведенные на с. 104 показатели 57-го доклада Китайского информационного сетевого центра (CNNIC) характеризуют положение на декабрь 2025 года, а не на февраль 2026 года. Согласно докладу, число пользователей Интернета достигло 1,125 млрд, пользователей мобильного Интернета — около 1,121 млрд, городских пользователей насчитывалось 812 млн, сельских — 314 млн. Доля доступа через мобильный телефон составляла 99,6 %, через настольный компьютер — 32,5 %, через ноутбук — 31,2 %. В диссертации часть показателей соотнесена с иными датами и, по-видимому, объединена с цифрами предыдущих выпусков. Каждый показатель следует связывать именно с отчетной датой, а не с датой публикации доклада.

На с. 134–135 допущено несколько ошибок в сведениях о Tencent и QQ. Сервис QQ был запущен в феврале 1999 года, а не в 2004 году. Выручка Tencent за 2024 год составила 660,257 млрд юаней; ее увеличение по сравнению с предыдущим годом равнялось примерно 51,242 млрд юаней. В тексте миллиарды и миллионы местами смешаны. Число активных мобильных пользователей QQ составляло около 524 млн, а не 524 пользователя. Ошибки имеют редакционный характер, но создают искаженное представление о масштабах корпорации и месте QQ в китайской платформенной экосистеме.

На с. 159–160 оценка в 5,576 млн долларов ошибочно представлена как полная стоимость создания DeepSeek. Технический отчет DeepSeek-V3 относит эту сумму лишь к вычислительным ресурсам одного финального цикла обучения. Она не включает предшествующие эксперименты, исследования, инфраструктуру, оплату труда и иные расходы; полная стоимость разработки V3 и R1 публично не раскрывалась.

Требуют смягчения и абсолютные формулировки, касающиеся цензуры. Утверждение, что любые сообщения с запрещенной тематикой автоматически удаляются (с. 151, 166), не соответствует неоднородной практике. Интенсивность контроля зависит от платформы, формы сообщения, политического момента, характера события и мобилизационного потенциала публикации. Наряду с автоматической фильтрацией применяются задержка публикации, ручная проверка, удаление после размещения, ограничение поиска и рекомендаций,

блокировка комментариев и временное ограничение аккаунтов. Официальные или политически допустимые интерпретации чувствительных тем могут сохраняться. Корректнее говорить не об удалении любого упоминания, а о повышенной вероятности удаления, ограничения распространения либо дополнительной проверки определенных типов контента.

Чрезмерно категорично и утверждение в заключении, что Китай «полностью отказался от западных ресурсов» и достиг полной информационной независимости. Китай сформировал преимущественно национальную экосистему массовых платформ и резко снизил зависимость внутреннего рынка от ведущих зарубежных сервисов. Однако трансграничные научные, информационные, программные и коммерческие связи сохраняются; китайские компании используют зарубежные технологии и компоненты, а законодательство регулирует, но не исключает трансграничную передачу данных. Национальные платформы были созданы не непосредственно государством, а коммерческими компаниями, действовавшими в защищенной регуляторной среде. Не доказан и тезис о существовании с 2009 года единого плана блокировки зарубежных ресурсов: система контроля развивалась поэтапно с 1990-х годов, а 2009 год стал лишь одним из рубежей ее ужесточения.

Перечисленные замечания имеют преимущественно локальный и исправимый характер. Они не ставят под сомнение общий замысел исследования, значительный объем собранного автором материала и основные научные результаты, не препятствуют положительной оценке диссертации и могут быть учтены при подготовке последующих публикаций.

Заключение

Диссертация Габриеляна Гриппи Робертовича «Политика государственного регулирования Интернет-пространства КНР в условиях цифровизации» представляет собой самостоятельную, завершенную научно-квалификационную работу, в которой решена научная задача, имеющая значение для развития политической науки.

Автором проведен комплексный анализ политических, институциональных, нормативно-правовых, идеологических и технологических аспектов государственного регулирования Интернет-пространства в КНР, привлечен значительный массив российских, зарубежных и китайских источников, получены обладающие научной новизной и практической значимостью результаты.

Представленное диссертационное исследование на тему «Политика государственного регулирования Интернет-пространства КНР в условиях цифровизации» по содержанию, полученным лично автором результатам, научной новизне, обоснованности и значимости сделанных выводов соответствует профилю научной специальности 5.5.2. — Политические

институты, процессы, технологии и Положениям ВАК РФ и полностью отвечает соответствующим требованиям.

Автор диссертации, Габриелян Гриша Робертович, заслуживает присуждения учёной степени кандидата политических наук.

Кандидат политических наук,
директор Центра комплексных
европейских и международных
исследований Факультета мировой
экономики и мировой политики
ФГАОУ ВО Национальный исследовательский
университет «Высшая школа экономики»

